

МОРЕ ОСКОЛКОВ

*ПОЛКОРОЛЯ

ПОЛМИРА

ПОЛВОЙНЫ

ДЖО АБЕРКРОМБИ

ПОЛКРОЛЯ

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
А14

Joe Abercrombie
HALF A KING

Copyright © 2014 by Joe Abercrombie Ltd.

Аберкромби, Джо.
А14 Полкороля / Джо Аберкромби ; [пер. с англ.
Н. Иванова]. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-097550-1

Принц Ярви, младший сын короля Гетланда, выбрал путь Служителя — мудреца, сидящего не на троне, но подле него. Но Рок распорядился иначе. И Ярви — юноша с одной рукой — не король, но «полкороля» — вынужден занять отцовский престол. Столкнуться не только с крушением надежд, с ложью, жестокостью и предательством.

Очутившись в обществе изгоев, Ярви станет тем человеком, кем должен стать.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Иванов Н., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-097550-1 ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть 1

ЧЕРНЫЙ ПРЕСТОЛ

Большее благо

Лютый шторм бушевал той ночью, когда Ярви узнал, что он — король. Или, по крайней мере полкороля.

Такой ветер гетландцы звали «ищущим», ибо он отыскивал любую щель и скважину и, как бы люди ни подпитывали огонь, как бы ни жались друг к другу, нес мертвенный хлад Матери Моря всякому жилищу.

Ветер терзал ставни узких окон матери Гундринг, и даже окованная железом дверь стучала о порог. Ветер дразнил пламя в очаге — пламя злобно плевалось и трещало, пририсовывало когти теням висевших повсюду сухих трав, мерцало на корне, который мать Гундринг подняла шишковатыми пальцами.

— А это?

С виду — обычный комок грязи, но Ярви выучил этот урок.

— Корневище черного языка.

— И для чего, мой принц, служителю брать его в руки?

— Служитель надеется, что брать его не придется. Его отвар без вкуса и цвета, но это — самый смертельный яд.

Мать Гундринг отбросила корень.

— Порою служитель обязан братья за темные и опасные вещи.

— Служители обязаны стремиться к меньшему злу, — сказал Ярви.

— И отмерять наибольшее благо. Верно. Пять ответов из пяти. — Один одобрительный кивок матери Гундринг, и Ярви зарделся от гордости. Одобрение служителя Гетланда не так легко заработать.

— На испытании загадки будут попроще.

— На испытании. — Ярви встревоженно потер скрюченную кисть сухой руки большим пальцем здоровой.

— Вы его пройдете.

— Откуда вам знать?

— Это долг служителя: сомневаться во всем...

— ...но всегда выразить уверенность, — закончил он за нее.

— Ну вот! Вас-то я знаю. — Это правда. Лучше ее его не знал никто, даже родная семья. Особенно родная семья. — У меня еще не было столь сообразительного ученика. Вы пройдете с первого раза.

— И перестану быть принцем Ярви. — При этой мысли он почувствовал лишь облегчение. — У меня не будет ни семьи, ни наследных прав.

— Вы станете братом Ярви, а вашей семьей станет община служителей. — Огонь высветил у глаз матери Гундринг морщинки улыбки. — Вашим наследством станут травы и книги и тихое слово. Вы будете давать советы и помнить, врачевать и говорить правду, познавать тайные пути и на всех наречиях торить дорогу для Отче Мира. Как пыталась поступать я. Это — са-

мое доблестное из занятий, какую б чушь ни горланили на боевой площадке мускулистые олухи.

— Поди не прими всерьез этих мускулистых олухов, когда ты тоже там, на площадке.

— Хе. — Она покатила языком по небу и сплюнула в огонь. — После испытания вам придется на нее выходить лишь затем, чтобы перевязывать разбитые головы, если у них не заладится тренировка. Однажды вы примете мой посох. — Она кивнула на приставленный к стене заостренный прут из эльфийского металла, с поверхностью, покрытой выпуклостями и впадинками. — Однажды вы сядете у Черного престола, и вас назовут отцом Ярви.

— Отцом Ярви. — Он поерзал на табурете при этой мысли. — Мне не хватает мудрости. — Он хотел сказать «не хватает храбрости», но ему не хватило храбрости это произнести.

— Мудрости учатся, мой принц.

Он вытянул к свету свою левую, ту самую, руку.

— А как же руки? Их обучить вы готовы?

— Вам не хватает руки, но боги наградили вас дарами ценнее.

Он усмехнулся.

— Вы про мой чудный певчий голосок?

— А хоть бы и так? И скорый ум, и способность к сопереживанию, и силу. Силу, благодаря которой человек обретает величие — не короля, но служителя. Отче Мир прикоснулся к вам, Ярви. Запомните накрепко: сильных много, мудрых — единицы.

— Теперь ясно, почему лучшие решения служителей проходят через женские руки.

— И, как правило, лучший чай. — Гундринг от-

хлебнула из чаши, которую он приносил ей каждый вечер, и снова одобрительно кивнула. — Но вот и еще один ваш великий дар — заваривать превосходный чай.

— Неслыханный подвиг. А когда я из принца превращусь в служителя, вы будете меньше мне льстить?

— Вам достанется столько лести, сколько заслужите. А за все остальное — моим башмаком по заднице.

Ярви вздохнул.

— Над кое-чем перемены не властны.

— Теперь за историю. — Мать Гундринг выдвинула с полки одну из книг, с золоченого переплета подмигнули красные и зеленые камни.

— Сейчас? Мне вставать с Матерью Солнцем, кормить ваших голубей. Я собирался немного поспать, прежде...

— Я позволю вам спать, когда пройдете испытание.

— Не позволите же.

— Вы правы, не позволю. — Она лизнула палец и начала перелистывать, захрустели древние страницы. — Скажите, принц, на сколько частей эльфы разбили Бога?

— Четыре сотни и девять. Четыре сотни Малых богов, шесть Высоких богов, первого мужчину, первую женщину и Смерть, что сторожит Последнюю дверь. Но разве тема эта впору служителю, а не прядильщику молитв?

Мать Гундринг поцокала языком:

— Служителю впору любое знание, ибо обуздать возможно лишь познанное. Назовите шесть Высоких богов.

— Матерь Море и Отче Твердь, Матерь Солнце и Отче Месяц, Матерь Война и...

Грохнув, дверь распахнулась настежь, и ветер-искатель ворвался в покои. Огненные завитки в очаге встрепенулись, так же как Ярви, и заплясали, озаряя бликами сотню и сотню пузырьков и склянок на полках. Фигура входящего запнулась о порог, задевая охапки сухих растений, закачавшихся, словно висельники.

Это был Одем, дядя Ярви. Мокрые от дождя волосы липли к его бледному лицу, и одышливо вздымалась грудь. Широко распахнув глаза, он уставился на Ярви и открыл рот — но не издал ни звука. Тут и без дара сопереживания ясно, что его сгибает гнет тяжелой вести.

— Что такое? — сорванно каркнул Ярви, страх сдавил его горло.

Дядя упал на колени, руками в несвежую солому. Он склонил голову и тихо, хрипло выговорил два слова:

— Мой государь.

Вот так Ярви узнал, что его отца и брата не стало.

Долг

Они вовсе не выглядели мертвенно.

Только очень бледно — на двух холодных каменных возвышениях, в холодном зале, в натянутых по локти саванах, у обоих на груди блистали мечи. Ярви все ждал, что брат вот-вот скривит во сне губы. Что отец распахнет глаза и окинет его знакомым презри-

тельным взглядом. Но нет. Больше ни тот, ни другой так делать не будут.

Смерть раскрыла перед ними Последнюю дверь — из ее притвора не выходят обратно.

— Как это случилось? — с порога заговорила мать. Голос ее, как всегда, не дрогнул.

— Их предали, о королева, — прошептал дядя Одем.

— Я больше не королева.

— Конечно... прости, Лайтлин.

Ярви вытянул руку и мягко дотронулся до отцовского плеча. Холодное. Интересно, когда в последний раз он прикасался к отцу? Хоть раз прикасался? Он почти наизусть запомнил последний их разговор. Несколько месяцев тому назад.

Мужчина сечет косой и рубит секирой, говорил отец. Мужчина налегает на весла и вяжет тугие узлы. А главное — мужчина носит щит. Мужчина держит строй. Мужчина встает бок о бок со своим соплечником. Разве мужчина тот, кто ни на что из этого не способен?

Я не просил себе полруки, сказал тогда Ярви, как обычно стоя на полосе выжженной земли в битве между стыдом и яростью.

А я не просил себе полсына.

А теперь король Атрик был мертв, и его королевский венец, ужатый кузнецами в короткий срок, тяжело давил Ярви на лоб. Куда тяжелее, чем полагалось тонкому золотому ободку.

— Я спрашиваю, как они умерли? — повторила мать.

— Они отправились обсуждать мировую с Громгиль-Гормом.

— С проклятыми ванстерцами мириться нельзя, — пробасил Хурик, Избранный Щит матери.

— Мы обязаны свершить месть, — произнесла мать.

Дядя попытался развеять бурю.

— Вначале идут дни скорби. Верховный король запретил объявлять войну, пока...

— Месть! — Ее голос кромсал, как битое стекло. — Скорую, словно молния, жгучую, словно пламя.

Ярви украдкой взглянул на тело брата. Вот кто и скор, и жгуч, вернее — был прежде. Толстошейей, крепко сбитый — у него уже пробивалась темная, как у отца, борода. Не похож на Ярви всем, чем только можно. Брат любил его... скорее всего. Любовью с кулаками, где протянутая рука дружбы обычно предвещала оплеуху. Так любят того, кто обречен вечно пред тобой ползать.

— Месть, — рыкнул Хурик. — Ванстерцы нам заплатят сполна.

— Да провались пропадом эти ванстерцы! — воскликнула мать. — Надо принудить к послушанию наших. Надо показать им, что юный король тверд, как железо. А когда они с радостью покорятся, вот тогда и горюй, пусть хоть Матерь Море разольется от слез.

Дядя тяжело вздохнул.

— Стало быть, месть. Лайтлин, а он-то — готов? Он же не воин...

— Готов — не готов, а сражаться будет! — отрезала мать. Рядом с Ярви люди нисколько не стеснялись его обсуждать — будто он не только искалечен, а и оглох. Его внезапный приход к власти, похоже, никого не

вылечил от этой привычки. — Начинайте приготовления к большому набегу.

— Где мы ударим? — спросил Хурик.

— Знай одно — ударим. Оставь нас.

Ярви услышал стук двери и тихие шаги матери по холодным плитам.

— Хватит плакать, — проговорила она. И только сейчас Ярви осознал, что глаза его полны влаги, и вытер их, и ему стало стыдно. Ему вечно было стыдно.

Мать обхватила его за плечи.

— Выпрямись, Ярви.

— Прости, — проронил он, пытаясь на манер брата выпятить грудь. Он вечно просил прощения.

— Теперь ты — король. — Она поправила съехавшую застежку его плаща, попыталась пригладить блекло-соломенные волосы — коротко подрезанные, но все равно непослушные, и прислонила к его щеке прохладную ладонь. — Никогда не проси прощения. Ты перепояшешься мечом отца и поведешь воинов в набег на Ванстерланд.

Ярви сглотнул. Одна мысль идти в набег бросала его в ужас. А самому вести его?

Одеж, должно быть, разглядел его страх.

— Я буду вашим соплечником, государь. Мой верный щит всегда рядом. Пока хватит сил — я помогу во всем.

— Спасибо, — прошептал Ярви. Кто бы помог ему уплыть в Скегенхаус, чтобы после испытания на слугителя тихо жить в тени, а не гореть на виду у всех от стыда? Но эта мечта — уже прах. Сродни скверно замешенной известке, рассыпаться в мелкие крошки — удел всех его упований.

— Твой долг — отплатить Гром-гиль-Горму страданием и болью, — произнесла его мать. — А после твоим долгом станет женитьба на двоюродной сестре.

Он лишь вытаращился в стальные серые глаза матери. Слегка снизу вверх — ведь он до сих пор до нее не дорос.

— Что?

Ласковое прикосновение превратилось в мертвую хватку капкана.

— Слушай, Ярви, и запоминай. Ты — король. И пусть ни ты, ни я ничего подобного не хотели, все равно нам от этого никуда не деться. В твоей руке — наше будущее, но рука твоя свисает над пропастью. Тебя не чтут и не уважают. У тебя мало союзников. Ты обязан скрепить нашу семью браком с дочерью Одема, Исриун, так же, как был обязан твой брат. Все уже обговорено. Все согласны.

Дядя Одем наскоро растапливал лед:

— Для меня, государь, нет большего счастья, чем стать вашим тестем и своими глазами увидеть, как навек соединятся наши семьи.

О счастье Исриун он не обмолвился, отметил Ярви. Равно как и о его счастье.

— Но...

Брови его матери отвердели. Глаза сузились. Он видывал, как отважные герои трепетали под ее взглядом, а Ярви героем не был.

— Я была помолвлена с твоим дядей Атилем, о чьем владении клинком до сих пор шепчутся ратники. Твой дядя Атиль должен был стать королем. — У матери надломился голос, словно слова причиняли боль. — Когда Матерь Море поглотила его и на бере-

гу воздвигли пустой курган, я вышла за твоего отца. Свои чувства я пустила побоку и делала то, что должно. Так поступишь и ты.

Ярви покосился на пригожее тело брата, недоумевая, как она может рассуждать так спокойно, стоя на расстоянии вытянутой руки от мертвого мужа и мертвого сына?

— Ты не плачешь по ним?

Лицо матери стянула внезапная судорога, вся ее тщательно наведенная красота треснула и разбилась. Губы разошлись в оскале, веки сморщились, жилки на шее застыли камнем. Долгий леденящий миг Ярви не понимал — то ли она ударит его, то ли разразится рыданиями, и не знал, что пугает его сильнее. А потом — прерывистый вдох, мать уложила на место выбившуюся прядь золотистых волос и снова стала собой.

— Хоть кто-то из нас должен быть мужчиной. — Преподнеся это истинно по-королевски, она повернулась и вышла прочь из покоев.

Ярви стиснул кулаки. Вернее, стиснул один кулак, а на второй руке прижал большой палец к скрюченному обрубку.

— Благодарю за поддержку, матушка.

Он вечно злился. Но уже тогда, когда его злость ничего не могла поправить.

Дядя шагнул к нему, выговаривая мягко, словно пугливому жеребенку:

— Послушайте, мать любит вас.

— Любит?

— Ей надо быть сильной. Ради вас. Ради страны. Ради вашего отца.

Ярви переводил взгляд с мертвого отца на дядю. Так похожи и такие разные.

— Слава богам, ты со мной, — проговорил он, и слова ободрали горло. В его семье все-таки есть тот, кому он не безразличен.

— Ты уж прости, Ярви. Правда, прости. — Одем положил руку на плечо племянника, в глазах блеснули слезы. — И все же Лайтлин права. Мы должны поступать во благо Гетланда. Придется пустить побоку наши чувства.

Ярви горько вздохнул.

— Понимаю.

Его чувства всем были побоку, сколько он себя помнил.

Путь к победе

— Сегодня, Кеймдаль, ты бьешься с королем.

Ярви подавил дурацкий смешок, когда услышал, как мастер оружия называет его этим словом. Кажется, десятков восемь молодых бойцов напротив него тоже душит хохот. Или наверняка будет душить при виде того, как дерется новый король. И уж вне всяких сомнений, Ярви тогда будет не до смеха.

Теперь они его подданные. Его слуги. Его люди, принесшие клятву умереть за малейший королевский каприз. И все равно сейчас их ряд куда более походил на нелюдимый вражий строй, чем в те времена, когда он выходил к ним мальчишкой.

Мальчишкой же он себя и ощущал. Куда более мальчишкой, чем раньше.